

ВСТРЕЧА С ИНТЕРЕСНЫМ СОБЕСЕДНИКОМ

Искусство народного артиста РСФСР Леонида Васильевича Маркова, создавшего на сцене театра и на экране ряд образов классического и современного репертуара, пользуется неизменной признательностью у зрителей. Актер мощного темперамента, он тем не менее любит скрытые характеры, когда под внешним спокойствием угадывается буря. Воспитанный в традициях русской актерской школы, славящейся всегда глубокой эмоциональностью, актер играет так, что, кажется, и сам охвачен стихией...

смысле, как понимал его Достоевский: выражение идеи борьбы добра и зла.

— Мучается, ищет ответы на многие жизненные вопросы и Федя Протасов. Это, как я понял, ваша любимая роль?

— Признаюсь, что это так. Когда я был студийцем, мечтал сыграть три роли: Федю Протасова, Арбенина из «Маскарада» и Сирано де Бержерака. Первая роль — в работе, Арбенина я сыграл. Сирано не удалось. Но из трехсот ролей, сыгранных мною за многие годы, были и такие, которые какими-то черточками похожи на ту, несыгранную.

вая о своих героях, Марков каким-то образом в них перевоплощался. И мне совершенно невозможно было понять, что же произошло, что он сделал такого, невозможно было все это расчленить и объяснить, но ясно — вот сейчас уже другой человек, чем был минуту назад).

— Мне предложили в какое-то время сыграть де Реналья в «Красном и черном». Я отказался — очень уж противно. Но так как другие роли, которые мне предлагали, тоже не привлекали внимания, я спросил у Сергея Апполинарьевича Герасимова: «Де Реналь хоть раз заплачет?». Герасимов подумал и не сразу ответил: «Да». Тогда я согласился. Или, например, роль шофера Баргова в телефильме «Побег» из серии «Следствие ведут знатоки». Мог бы неплохой человек из него получиться, но пагубная страсть к алкоголю постепенно убивает в нем все человеческое. Я играю так, что его даже немного жалко. В нашей профессии главное — любить человека. В каждой роли необходимо найти что-то человеческое, уловить то мгновение, когда обнажается сердце человека, только тогда зритель сопереживает герою, тогда в его душе возникает отклик на чужую боль, радость.

— Когда заходит речь о перевоплощении актера в сценического героя, вспоминают случай со Станиславским. В день представления, когда он играл Крутицкого из пьесы Островского «На всякого мудреца довольно простоты», к нему старались не подходить. Он становился тупым туподумом, мог ляпнуть глупость. Однажды ему предъявили документ, им подписанный. «Это не я, это Крутицкий подписал». Что же происходит с актером на самом деле?

— Станиславский думал не над образом, который ему надо было построить, но над человеческой личностью, которая в нем возникла. Он поглощен был этим человеком задолго до того, как выйти на сцену... Перевоплощение актера в сценического героя — процесс вполне сознательный. Когда актер, работая над ролью, долгое время находится в кругу десятков вопросов, он может прийти к состоянию, близкому к вдохновению, душевному озарению. Он это запомнит, закрепит своим ремеслом.

— Какое место, по вашему, занимает театр в жизни человека?

— В прежние времена, когда не было ни кино, ни телевизора, театр был рупором передовых идей. Не случайно Малый театр называли «вторым университетом». Этот взгляд на театр сохранился и в наше время. То, что мы с вами чувствуем, но не всегда можем выразить, автор, режиссер, актер передает созданным ими спектаклем. А мы с вами сидим в театре и думаем: «И я так бы поступил», «И я так бы сказал».

— Как вы относитесь к афоризму «Весь мир театр, и люди в нем актеры».

— Вполне приемлю. Вам, наверное, приходилось наблюдать, как дети разыгрывают целые сцены. Или взрослые — так что собирается толпа. А молодой человек, который идет на свидание. Наводит лоск, а при встрече старается показаться более вежливым, культурным, чем есть на самом деле. Жизнь богаче выдумки, и нередко мы, актеры, используем эти наблюдения в своей работе.

Л. ВАСИЛЬЕВ.

СПЕКТАКЛЬ НА ПУСКОНАЛАДКЕ

Я позвонил в Театр имени Моссовета, где сейчас работает Марков, и попросил его дать интервью.

— Давайте встретимся через неделю, — ответил он. — Наш коллектив готовит новую работу — «Живой труп» Л. Толстого, в котором я играю Федю Протасова. Если говорить на языке строителей, то можно сказать, что у нас идут пусконаладочные работы — сложный, трудный период в жизни нашего коллектива и для каждого актера... Звоню через неделю.

— Я не забыл... Приходите... Мы беседуем в артистической комнате. Во всем облике Маркова читается напряжение последних дней.

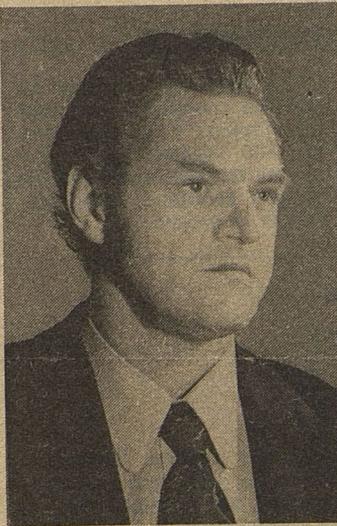
— Конец сезона для актера — что страда для хлебороба. Устал, но, впрочем, когда такая работа продолжается более тридцати лет, то к ней следует привыкнуть... Чем могу порадовать «Строительную газету»?

— Чем? Для начала — рассказом о своем творчестве, о последних работах на экране и сцене.

— Недавно снялся в фильме «Коней на переправе не меняют», созданный на студии Мосфильм режиссером — постановщиком Г. Егиазаровым. Речь в нем идет о строительстве автозавода-гиганта, прообразом которого были великаны индустрии десятилетней пятилетки. Не случайно большая часть съемок проводилась в Набережных Челнах, на КамАЗе. Я играю роль начальника строительства.

— Вам как артисту, наверное, приходилось встречаться со строителями?

— Конечно. Но, должен вам заметить, моя задача как актера облегчалась тем, что я играл своего современника, соотечественника. Я многое о нем знаю. Другое дело, если бы мне выпала роль, скажем, графа. Тогда следовало бы устроиться слугой в графское поместье и подсматривать за хозяином... На сцене моя недавняя работа — роль немолодого рабочего Шилова в пьесе В. Черныха «Превышение власти» в постановке П. Хомского. Скажу прямо: я получил истинное удовольствие, работая над этой ролью, встретился с совершенно необычным в моей актерской практике материалом. История шилловских «хождений за правдой» составляет сюжет спектакля, главный мотив которого — по совести живет человек или не по совести. Я люблю играть роли реалистические. Я горюю о реализме в том высоком



— А как начинался ваш творческий путь?

— Театр рано вошел в мою жизнь. Отец играл в Вологодском драматическом театре, и жизнь театра тесно переплелась с жизнью нашей семьи. Первым своим учителем считаю Берсенева, у которого учился в студии будучи еще актером Театра им. Ленинского комсомола. Он требовал от нас прежде всего профессионализма: надо было научиться владеть своим телом, голосом, жить на сцене в найденном рисунке, ритме, изобретать грим, походку, пластику. Затем перешел в Театр им. Пушкина, которым в то время руководил Равенских. Потом меня пригласили в Театр им. Моссовета, к Юрию Александровичу Завадскому. Вот как мне повезло. Вот с какими мастерами театра мне приходилось работать!

— Кого вы предпочитаете играть — героев или злодеев?

— И тех, и других. Человек шире, богаче всяких норм, и поэтому, играя положительную роль, я ищу «слабинки» своего героя, а в отрицательном образе стараюсь оттенить и что-то человеческое. От этого образ становится полнокровным, более жизненным, достоверным. Абсолютных злодеев, как и идеально прекрасных людей, не бывает. Однако мера «очеловечивания» отрицательного героя еще зависит и от личного актерского к нему отношения. Я, например, ненавижу в человеке жадность. И я постараюсь так роль жадного сыграть, чтобы вам тошно смотреть на меня было. (При этих словах Марков изобразил такую гримасу, что я невольно рассмеялся. Рассказы-